

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Добрая душа

Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. - М.: "Правда", 1988

Часто я думаю: что на свете всего милее? и как ни гадаю, всегда выходит один ответ: нет на свете милее доброй души человеческой. Конечно, не всегда хорошо живется доброму человеку; конечно, он даже чаще страдает, нежели другой, который смотрит, выпучив глаза, на мир божий, и нет ему дела ни до чьих великих горестей, но и страдает-то он как-то тихо, сладко, любяще...

Хорошо встретиться в жизни с добрым человеком: во-первых, он всегда много видел, мыслил и испытал, а следовательно, и рассказать и объяснить многое может; во-вторых, самая близость доброй души человеческой просветляет и успокаивает все, что бы ни прикоснулось к ней. Как доходят люди до того, что делаются совсем-совсем добрыми, что не обвиняют, не негодуют, а только любят и жалеют - это объяснить сразу довольно трудно. Однако можно почти без ошибки сказать, что достигнуть этого нельзя иначе, как путем постоянной работы мысли. Когда человек много мыслит, когда он рассматривает не только внешние признаки поступков и действий своих ближних, но и ту внутреннюю историю, которая послужила подготовкой для них, то очень трудно бывает оставаться в роли обвинителя, хотя бы внешние признаки известного действия и возбуждали негодование. Коль скоро мысль объясняет и очищает действие от запутывающих его примесей, сердце не может не растворяться и не оправдывать. Преступники исчезают; их место занимают "несчастные", и по поводу этих "несчастных" горит, томится и изнывает добрая человеческая душа...

Много встречаем мы на свете людей, но, к сожалению, большая часть их принадлежит именно к числу таких, которые ходят с выпученными глазами и ни о чем слышать не хотят, кроме своих маленьких личных интересов. Эти люди самые несчастные, несчастнее даже тех, кого мы называем собственно преступниками. У настоящего "преступника", может быть, вся душа переболит прежде, нежели он решится на преступление, а этот, что ходит с выпученными глазами по улице, на каждом шагу делает свои маленькие гадости и даже не чувствует, что эти гадости - те же преступления и что из их темной массы источаются все мирские несчастья.

Но встречается немало и добрых людей, и вы, милые дети, всегда скорее всех успеваете отличить их. Когда вы чувствуете, что вам легко и приятно около какого-нибудь человека; когда ваши лица расцветают улыбкою при виде его, когда вас инстинктивно манит приласкаться к нему... знайте, что это такой же чистый и милый человек, как и вы сами; знайте, что около вас бьется именно то самое доброе человеческое сердце, о котором я хочу повести здесь речь.

Нигде так много не встречается добрых душ, как между женщинами. Мужчина почти всегда по горло занят мелкими своими житейскими делами; он больше на народе, он чаще вынуждается вести борьбу, видеть и терпеть несправедливости. Поэтому у него более поводов воспитывать в себе чувство досады и нет времени соображать свои выводы с выгодами других, нет времени и прощать. Сверх того, известная доля самостоятельности сообщила его действиям несколько хищнический характер, вследствие чего любимыми его пословицами стали: "На то война!" да "Затем в море щука, чтоб карась не дремал!" Напротив того, женщина с самых малых лет почти всегда одна и всегда в загоне; действительная роль, на которую - по крайней мере, в настоящее время - осуждена женщина, - это роль безмолвия и исполнения чужих желаний и прихотей. Вот она и молчит, но в то же время думает, много думает. И чем больше она думает, чем томительнее тянется ее собственная одинокая жизнь, тем более растворяется любящее, доброе сердце. Она видит, как суетится и колотится весь свой век мужчина, как он лукавит и изворачивается из-за куска насущного хлеба, и мысль о "несчастье", которое как бы сетью какую опутало весь людской род, сама собой возникает в ее голове. Муж ли вернется домой злой и хмельной, она думает: "Господи! какой он несчастный!" Сын ли окажется уличенным в беззаконных делах, она думает: "Господи! как он должен страдать и как нужно, как нужно ему любящее сердце, которое могло бы вселить мир в его тоскующую душу!"

И когда женщина захочет утешить скорбящего человека, то можно сказать наверное, что в целом мире не найдется слаще и лучше того утешения. Нет татя, у которого не открылся бы источник слез при виде умиротворяющей женской ласки; нет душегуба, которого сердце не дрогнуло бы перед любящим женским словом. И не потому только, чтобы эта ласка или слово усыпляли человека или заставляли его забыть что-нибудь, а потому, что эта ласка, это слово восстанавливают искаженный человеческий образ, что они вдруг очищают его душу от наносной житейской грязи, что они хотя и не уничтожают прошлого, но делают невозможным возврат к нему...